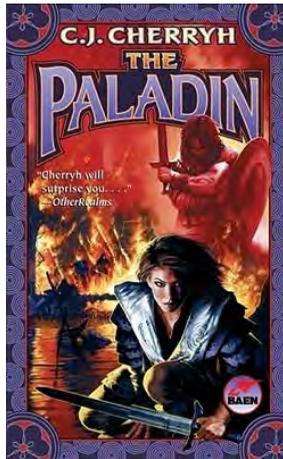

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

К. Дж. Черри

Паладин

Трудные времена

C. J. Cherryh. The Paladin. 1988
Перевод - Б. Кадников, О. Колесников, 1995

C. J. Cherryh. Heavy Time. 1991
Перевод - А. Сумин, О. Колесников, 1997

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 14.06.2010. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 200 экз. Зак. № .

К. Дж. Черри.

Паладин. Трудные времена: Фантастические романы. —
М.: Международный центр фантастики, 2010. — 768 с.

Не предназначено для продажи.

Паладин

Пролог

Они часто посещают эти холмы. Так говорили жители деревушки Мон, пытаясь предостеречь молодого путника. Они рассказывали ему истории о мстительных призраках, сбивающих с пути, демонах, принимающих обличья лис и сов, драконах, превращающихся в людей. Но наиболее сильным аргументом в их устах было то, что все надежды юноши тщетны: мастер не берет учеников. Сыновья богатых людей приходили к Сокендеру в горы и просили его дать им знания — и возвращались обратно, отказываясь задержаться хотя бы на одну ночь и рассказать жителям деревни о том, что там было. Посланцы владык приходили для того, чтобы повидать мастера Сокендера и склонить его на сторону их хозяев, и тоже уходили несчастные и без ответа. Иногда наведывались монахи и пытались выведать у мастера мечей его секреты, но безуспешно, ибо мастер отклонял любые просьбы. Дважды в год мальчик из деревни поднимался к хижине на горе, относил туда соль и чай и прочие мелочи, которые требовались мастеру, и узнавал, сколько ему нужно риса и сена, которое после этого доставляли в специальное место и там оставляли. Деревня давала все это мастеру вместе с небольшими подарками, фруктами по сезону — яблоками или сливами, или свежими овощами, потому что страх перед мастером гнал прочь разбойников. И это была единственная связь, которую Сокендер позволял себе иметь с миром.

Так вот, мастер не берет учеников... и уж тем более таких оборванных, низкорослых и худосочных сыновей мелких землевладельцев, ты ведь из таких, парень?

Путник был одет в плащ, некогда имевший голубой цвет, изпод которого выглядывали черные штаны из грубой ткани, при ходьбе обтрепанные полы плаща хлопали по костлявым коленям. Красный, свежий шрам пересекал его щеку и подбородок и исчезал под грязным воротом рубахи. Человек нес на плече длинный лук без тетивы, на конце которого висел узелок с пожитками, а на боку — колчан со стрелами с белым оперением —

оружие, разрешенное крестьянам для защиты от дорожных разбойников и лихих людей.

Беда пришла на восток. Хриплым, тихим голосом путник поведал крестьянам новости из самого сердца Империи: о перебитом скоте, вырезанных семьях. В числе прочих — и его.

Но все это осталось далеко позади, успокаивали странника крестьяне. Здесь нет опасности. Разбойники, живущие на холмах Хойсана, стараются держаться подальше от этих мест, от границ Хойши, где правит славный повелитель Рэйди; милость богов и страх перед мастером охраняют покой деревни Мон.

— В моем доме найдется место для соломенного тюфяка, — сказал задумчиво вдовец Гори.

У Гори было шесть дочерей.

— У меня есть сад и огород, за которыми требуется уход. Я могу дать кров парню, который будет честно отрабатывать свой хлеб.

Но путник, а ему вряд ли было больше шестнадцати, отдохнув, сидя на корточках в тени, и выпив предложенную ему чашку воды, тихо поблагодарил Гори, протянул чашку обратно, завязал под подбородком ленту тростниковой шляпы, перекинул накрест через грудь веревку, на которой висела длинная круглая корзина, закинул на плечо лук без тетивы с дорожным узелком и ушел прочь, похожий на муравья под своей несоразмерной ношей, с лицом, почти совершенно скрытым шляпой. Монотонно двигались худые, покрытые лепешками засохшей грязи ноги в изношенных штанах.

Гори и крестьяне вокруг качали головами, глядя путнику вслед.

— Он вернется, — говорили они.

Дорога, широкая, дружелюбная и ярко освещенная в долине солнцем, превратилась в тропинку, а затем в едва заметную стежку — проход среди валунов и корней деревьев горного леса, — и начала все круче и круче взбираться вверх в гору.

Путник в обтрепанной одежде настойчиво карабкался по склону, упрямо сражаясь с цепкими сучьями, цепляющимися за его ношу и преодолевая подъем, используя для равновесия лук.

Возможно, умнее было бы заночевать на опушке и двинуться в гору с утра, но путник не боялся призраков и демонов, а драконы, которых стоило опасаться, обычно имели человеческую форму тела.

Солнце уже коснулось горных вершин, погрузив тропинку между деревьями в глубокую тень. Это не так далеко, говорили

крестьяне, но даже если их суждение и было ошибочным, в одном путник был с ними согласен: этот лес был безопасен и в нем не было разбойного люда. Разбойники были не так глупы, чтобы промышлять на горе Сокендера.

Впервые за многие недели путник, наконец, ощутил себя по-настоящему в безопасности.

Человек продолжал углубляться в сумеречные кущи, сражаясь с надоедливym кустарником, то и дело принимаясь вырывать из его колючих лап свою корзину. Так он шел, до тех пор, пока ветер не донес до него запахи жилья и лошади, пока в сумерках не появились очертания крестьянской хижины. Наконец стали видны загон и пастбище около дома, а также фигура мужчины, несущего ведро с водой к стоящей невдалеке лошади, шкура которой отливала сверкающим красным цветом в неожиданных лучах заката. Гроза уходила на север, и над горами стеной громоздились облака, похожие на серые глыбы. Оранжевое свечение умирающего солнца зажигало пламя по краям всех предметов.

У путника на мгновение перехватило дыхание. В этот миг Сокендер показался ему абсолютно неземным, нереальным существом, совершенно отличным от образа, представляемого путником в течение всех этих последних недель, начиная с провинции Хуа, — нереальным и богоподобным. Но человек, который отверг мир, не мог походить на других людей. Сокендер отвернулся от двора, собственного богатства и высокого положения и бежал от регента и молодого императора, предавшего его, сюда, за пределы королевства, для того, чтобы в уединении и покое гор совершенствовать свое искусство и свою душу. Живя в большом мире, Сокендер достиг верха того, на что способен человек, являясь правой рукой императора и единственным честным человеком среди продажного и полного лжецов двора. Сокендер защищал закон и старого императора, вставал на сторону бедных, но честных господ, и выступал против богатых и льстивых. Так было до тех пор, пока император не состарился и не умер.

Противостоять глупости молодого императора Бейджана Сокендер был не в силах. Молодой император свел дружбу с господином Гитой из провинции Анген, обвинил назначенного отцом регента повелителя Хейсу в заговоре и любовной связи с императрицей.

Гита встал за тронem, а Хейсу и императрица Мейя умерли. Сразу после этого пятьсот человек из императорской гвардии были посланы для того, чтобы захватить Сокендера и убить его,

но Сокендер убил двадцать из них и бежал к границе и, как говорили, не тронул никого, оказавшись за пределами государства, уединился в провинции Хойши, в этих горах, и отошел от дел. Гита и его люди поняли, что лучше будет оставить Сокендера в покое.

Таков был Сокендер. Бежав от мира, он решил искать совершенства, преуспев и в том и в другом, может быть, потому, что боги были к нему благосклонны.

Следующий, более внимательный взгляд путника открыл, что мужчина на поляне хромает. Окружающий мужчину свет померк, как только он достиг стен сарая или конюшни и лошадь протянула к нему через изгородь морду. Наверно, это простой слуга, а не господин Сокендер. Путник почувствовал, что свалил дурака: естественно было предположить, что мастер мечей, телохранитель императора и непобедимый воин должен был взять с собой по крайней мере одного слугу или нанять человека из деревни внизу... человека, который будет готовить еду и заниматься обычными вещами. Сокендер был некогда именитым господином, имел обширные владения и множество слуг. Даже решив вести уединенный и аскетический образ жизни, он не мог изменить всем своим привычкам.

Путник вышел на освещенное закатом открытое место, раздосадованный, но полный отваги, для того, чтобы принять отказ или чудо.

Глава первая

Шока уже почти дошел до крыльца, когда из леса вышло видение — огромное тело, передвигающееся на тонких ножках, оказавшееся на деле корзиной и тощим подростком в широченной шляпе.

Собственно говоря, Шока краем глаза давно следил за пришельцем. Подозревая коварство разбойников, он все-таки не торопился, не спеша налил воды своему старому коню, потрепал его по шее и неторопливо направился обратно к дому, где находился его лук, помахивая пустым ведром, которое само по себе оружием быть не могло, но отвлекало внимание.

Насколько он сумел разглядеть, около пришельца никого больше не было. Наверняка очередная просьба. Ради собственной безопасности Шока старательно не замечал незнакомца — разбойники могли использовать детей для приманки, — хотя с

раздражением подумал, что вечерний час и лес вокруг обязывают его к проявлению некоторого гостеприимства: чашке чая и риса, и места для ночлега — и все-таки считал необходимым первым делом добраться до дома. Судя по величине ножек, подпирающих вместительную корзину, заблудившееся существо было слишком молодо для того, чтобы пускаться в обратный путь на ночь глядя.

Шока поднялся на невысокое дощатое крыльцо, изрядно уже побитое временем и непогодой, и расположился под соломенным навесом, поближе ко входу в дом и оружию. Просто на всякий случай. После этого он поставил на пол ведро, повернулся и в упор взглянул на придавленного к земле своей ношей посетителя, который к этому времени успел доковылять уже до самых ступенек крыльца.

Человечек через голову снял веревку и опустил корзину на землю, после чего коротко и вежливо поклонился.

— Я хочу видеть мастера.

— Он перед тобой, — ответил Шока и заметил привычную смену выражений на лице посетителя, которая начала ему уже порядком надоедать; юная мордашка вытянулась, рот приоткрылся и глаза тревожно распахнулись.

— Я Сокендер. Что ты хочешь?

Пришелец снял свою огромную шляпу и уставился на него — тощий и измотанный ребенок со шрамом, первым приковывающим к себе взгляд, который затем перемещался на безнадежно отчаянные глаза. Этот шрам, на котором поневоле остановился взгляд Шоки, немного смутил его, принеся сознание собственной грубости и невнимания и, благодаря им, недовольства от проявления неподобающего внимания ко всему лицу просителя в целом, чего обычно мало кто устаивался.

— Я пришел сюда за справедливостью, — сказал проситель, чем снова привлек внимание Шоки.

— Я сделал тебе что-то плохое? — спросил он.

Проситель покачал головой. Мгновение казалось, что он вот-вот расплатится, так как его подбородок уже начал дрожать. Но он сжал зубы и резко нагнулся к лежащему на земле луку, используемому также в качестве дорожной палки, поднял его и крепко сжал. Лук был скверным, по-детски небрежно и наспех обработанным.

— Нет, господин. Я хочу учиться у вас.

Шока усмехнулся и отодвинулся немного вглубь крыльца, раздраженный таким обращением к себе и одновременно чув-